

Юрий
Грымов:

**«Театры,
в которых
пахнет пивом, —
ЭТО НЕ МОЯ
ТЕМА»**

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» режиссера, художественного руководителя театра «Модерн» Юрия Грымова.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: У Вас очень много разных регалий. Могу я попросить Вас самого представиться?

Грымов: Да на самом деле... наверное, все-таки я клоун.

Легойда: Клоун?

Грымов: Я могу объяснить. Дело не в том, что ты выходишь все время на арену.

Мы сейчас тоже ведь на арене, да — сидим, на нас смотрят. Я скорее про такое состояние, когда хочешь о чем-то важном, но иронично — ну, а об иронии — серьезно...

Я стараюсь в каждую картину ввести разговор о вере.

Мне кажется, это очень важно. Для кого-то это опора, для кого-то — надежда. Зачем я это делаю? Наверное, я чувствую некую ответственность. Не как художник. Как верующий человек. Я пришел к вере в здравом уме, в 30 лет, и, мне кажется, важно об этом говорить.

Меня интересуют только люди. Все мои картины, спектакли — они про людей. Про столкновения, про принятие решений.

А когда человек говорит: «Я атеист», — это трюк, это его защита. Он же тоже верующий. В то, что Бога нет. Он так защищается от чего-то сильного, в чем не может себе признаться. Он чувствует, что есть вера и что это — сила, и, чтобы ей противостоять, говорит: «Нет. Я анти. Я против».

Для меня сложнее всего интимность такого разговора, потому что я против транспаранта. Ну вот хэштэг #яверю — сейчас это модно... Я этого избегаю. Если бы я был с той стороны экрана, меня бы это отпугивало.

Кто-то говорит с собой, кто-то разговаривает со Всевышним.

Но это — диалог. И это очень сложно показать. Труднее, чем интимные отношения между мужчиной и женщиной. В сексуальных отношениях есть какие-то клише: встретились, поцелуй, монтаж — все понятно. Тем более сейчас. Но в кино и неверующий может сыграть верующего — есть монтаж и отражающая реакция: допустим,

если я сейчас говорю и у меня не очень честно получается, я могу показать вполне искреннюю реакцию того, кто меня слушает. В театре сложнее: если там ты не пробиваешь границу своей искренностью, то тебе не помогут ни слова, ни режиссерские задачи — это будет... текст. То есть в театре по форме больше неправды, но по сути правды больше, чем в кино. В театре в человека стреляют — занавес, он жив, он встает, а в кино можно поверить, что правда случилось убийство. Но в кино можно играть, а в театре нужно жить. А жить — значит быть максимально правдивым.

Мне хотелось бы когда-нибудь снять фильм на евангельскую тему.

Но это очень сложно. Я вообще очень долго готовлюсь к любому проекту. Очень быстро снимаю, но очень долго готовлюсь. И в этой ситуации я, думаю, мог бы запутаться — в желании рассказать ярко и эмоционально, в желании рассказать правдиво, в подаче, в языке...

Ну например, можно было бы сыграть Христа тем самым отражением, реакцией на Его проповеди, показать принятие людьми решений после этой проповеди — вот это интересно. Чтобы проповедь была обращена к зрителю через зрителя — участника событий. А обсуждать: длинные волосы, короткие волосы, похож, не похож... От чего мы отмеряем? От тех иллюстраций, которые мы видели? Режиссер апеллирует только к себе. Но я так глубоко не рассуждал, потому что ни разу еще не подошел к возможности реализации этого

Кадр со съемок фильма «Три сестры».
Фото Светланы Маликовой

проекта. Но я бы не показывал Христа напрямую, это стопроцентно.

Вообще, на самом деле сила искусства — кино, театра, живописи — в послевкусии. Мне кажется, образ Христа может возникнуть после фильма, а не во время. Если после титров человек выключает телевизор и хочет взять Евангелие... и живет с этим... Вот тогда это хорошее кино.

Я не живу жизнью тусовки.

Никогда не жил. Ну, я занимался в юности рекламой, телевидением... Приходил на какие-то мероприятия, на вернисаж там, на премьеру — просто поприветствовать, к тем людям, которых знал. Но у меня нет близких, друзей среди людей, которые тогда снимали рекламу или сейчас снимают кино. Они все мои знакомые, приятели. Но я живу совсем не такой жизнью, как может казаться. Всё свободное время я посвящаю семье, и для всех это всегда был шок. При всех нагрузках — в субботу-воскресенье я дома. Всегда.

Сегодня человек говорит: я самовыражаюсь — и рисует себе на заднем месте бабочку.

До сорока лет жил без бабочки, и вдруг нужна бабочка. Я к этому отношусь с улыбкой. Но не толерантно. Потому что всегда есть какая-то историческая память. Поэтому я за жесткое отношение: если ты придешь к нам в театр «Модерн» без пид-

Легойда: А что такое лжеглянец?

Грымов: Вот у меня вышел фильм «Три сестры» по Чехову, где сестрам не по 25, а по 60... И все говорят: а-а, как вы могли?!

Легойда: А это не надругательство над классиком?

Грымов: Ракеты в космос летают — я видел!

Я не понимаю как, но это возможно. Поэтому слово «нельзя» у меня вообще уничтожено.

жака, мы дадим пиджак — у нас, наверное, пиджаков десять есть разных... Но не пускаем людей в майках, тренировочных штанах, шортах, кедах, шлепанцах. А если проблема, администраторы звонят мне, я спускаюсь и говорю: извините, мы вернем вам деньги. Кто-то обижается, разворачивается и даже деньги не берет. А кто-то надевает пиджак. Но больше всех эта ситуация задела театральных критиков. Они в «Фейсбуке» начали писать: мы не пойдём в «Модерн», там надо надевать пиджак, мы не будем писать о «Модерне»... А я думаю: как скучно! Есть театры, в которых пахнет пивом, — это не моя тема. ➔

Легойда: Как пережить предательство?

Грымов: Надо простить. Стопроцентно.

Легойда: Часто говорят: всё прощу, но предательство прощать нельзя.

Грымов: Есть хорошая фраза у Толстого. Его спросили: «Вы можете простить?» Он говорит: «Ну конечно. Но это как сломать руки — обнять потом нельзя».

Мое отношение к сегодняшнему кино очень негативное.

Кино и театр были для меня единым целым. Как форма высказывания, рассказа, повествования, то есть общения со зрителем. В театре это сохранилось. Почему я сегодня в театре по уши? Потому что там остался зритель. Там энтузиасты, там правильная государственная политика: там решили, мол, вы взрослые ребята, сами разберетесь, как минимум сколько вам спектаклей играть. Раньше была разрядка — двести сорок спектаклей в год, и люди

Кадр со съемок фильма «Год белого слона». Фото с сайта ruskino.ru

приписками занимались. А теперь, если ты не играешь, значит, останешься без зарплаты. Ты сам заинтересован играть больше спектаклей.

В кино не так. На нас уже обрушилось гигантское количество спортивных драм, фильмов про баскетбол, про хоккей... Но я считаю, что любой заказ сразу ограничивает свободу зрителя: значит, теперь мы будем смотреть про хоккей, про футбол, про лыжи и так далее. Но есть же еще большой спектр детского кино, подросткового кино, исторического кино, фантастического кино, авторского кино... Диапазон заказа должен быть другим. Вернее, не должно быть заказа. Художник — то есть человек, который хочет что-то снимать, — должен быть свободен, а государство просто должно создать условия, в которых выгодно снимать кино.

Индустрия начинается после двухсот картин в год —

из автомата легче стрелять, чем из пистолета. А мы говорим, что сегодня с трудом — с трудом! — снимается пятьдесят картин... Есть хорошие, есть менее хорошие, но я говорю про количество и диапазон. И мне кажется, нужно возвращаться к понятию авторского кино. Даниеля — автор. Балаян — автор. Эльдар Рязанов — автор. Это авторы! А без автора кино не существует.

Легойда: Режиссер должен любить зрителя?

Грымов: А я его не знаю.

Легойда: Как же Вы тогда можете снимать или спектакли ставить?

Грымов: А я не для зрителя. Я для себя.

Сегодня успех любого русского фильма случается тогда, когда он похож на американский.

Модель, монтаж... Нужно жить самодостаточно, своей культурой. Мы же все имеем одинаковый старт — начальную школу: тут Лесков, Бунин, Толстой. Почему потом это всё рушится? И кино уже говорит: ой, нет, мы так не хотим, мы хотим по-американски, привыкли. Это неправильно. Не должно быть этого комплекса.

Японское кино — самодостаточно. Китайское — самодостаточно. Французское — самодостаточно. Они частично подыгрывают американцам, но всё равно делают свое кино, потому у них правильная государственная политика. А у нас сегодня, к сожалению, я ее не вижу. Я не понимаю, почему я должен бежать в министерство культуры и просить: дайте денег! Почему министерство культуры не поинтересуется: что случилось, что такой прекрасный режиссер, как Вадим Абдрашитов — а он прекрасный режиссер! — уже, наверное, лет пятнадцать ничего не снимает?

Что такое хороший фильм о любви?

Вот «Летят журавли» — про любовь. «В бой идут одни старики» — это про любовь. «Офицеры» — тоже про любовь. Я специально называю военные драмы. И когда цветы распускаются — это любовь. А «Звезда пленительного сча-

стья» моего любимого режиссера Мотыля? Ну, любовь же — со всеми жертвами, надеждами, заблуждениями. А какой там Костолевский! А «Три сестры» — про несбыточную любовь. Про любовь, которая не случилась ни у одной из сестер. Они перегрелись в ожидании этой любви, ничего для этого не сделав. Они были под гнетом папы, попали в систему координат семьи, они в ней жили. И когда там у Чехова папа умер, они должны были выйти из системы — и уехать в Москву (у меня в фильме они москвички и должны были вернуться в Москву). Нет. Они только говорят о любви, они мечтают о любви, хотя вообще не может жить человек без любви.

Неужели вы думаете, что режиссер, который на плакате «Тангейзера» размещает распятие на причинном месте у девушки, не понимает, что он делает?

Вы можете неправильно что-то истолковать — это другой разговор. Но это же очень яркая история. Или если, допустим, человек мастурбирует на сцене, вы думаете, режиссер не знает, что зритель будет возмущен? Но кто-то же скажет: о, как новаторски!

Поэтому я считаю: мы говорим о творчестве, в котором человек может допустить абсолютно все что угодно. Но ты же сам являешься фильтром, критерием оценки прекрасного! Тебе-то не должно быть стыдно!

Я сам — зритель. Я сижу за монитором, сижу за монтажным столом — я зритель. И если я думаю: «а вот сейчас можно подсолить», как правило, получается ерунда. Это не то кино, которое я исповедую, — кино как исповедь, кино как разговор о чем-то важном. Поэтому я и вставляю во все картины разговор о вере... Я считаю, что людям надо чаще говорить, что они хорошие. Я правда так считаю. Надо говорить: вы хорошие люди. Нет — ХОРОШИЕ вы ЛЮДИ! ♠.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Как художнику относиться к чувствам зрителей? Где Вы поставите запятую в предложении: «Пренебречь нельзя беречь»?

Грымов: «Пренебречь, нельзя беречь».

Смотрите полный выпуск «Парсуны» с участием Юрия Грымова по этой ссылке: